

СИЛА ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ В ВОСПИТАНИИ РОССИЙСКИХ ДЕТЕЙ

Русская литература в XIX – начале XX века была источником распространения образцов поведения, формирования моды на образ жизни и воспитание. В ней впервые сформулирована проблема «отцов» и «детей» как проблема конфликта «дон-кихотов» и «гамлетов» (И. Тургенев). Два мифа детства были предложены писателями – миф о «золотом» детстве (Л. Толстой) и миф об «аскетическом» детстве (М. Горький).

Ключевые слова: детство, миф, воспитатели, социализация, конфликт поколений.

Литературные интерпретации проблемы «отцов» и «детей» в России XIX века: «Гамлеты» против «Дон Кихотов»

Литература в России XIX века заменяла общественную мысль, философию, этику [6; 14]. Поиск ответов на психологические и нравственные вопросы именно в литературе связан с высокой миссией, которую в России несли писатели, и огромным общественным вниманием, которое они привлекали. Анализ литературных источников нарастает со второй половины XIX века. Литературная критика напоминала социально-психологический анализ произведений (В.Г. Белинский, В.Н. Ивановский, В.Ф. Садовник). Классическая литература сама по себе была внаучным способом психологического анализа, явив высочайшие образцы в лице Л. Толстого и Ф. Достоевского [7].

Тургенев впервые поставил *проблему взаимоотношений между поколениями, точнее конфликта поколений*, известную как проблема «отцов и детей», по названию его романа, но использовал при этом образы датского принца Гамлета и рыцаря Дон Кихота [12]. Чрезвычайная популярность постановок пьесы Шекспира, обратила внимание писателя на то, что Гамлет – фактически кумир людей определенного возраста и настроений. Молодежь 1830-х первой нашла свое отражение в пьесе Шекспира «Гамлет», которая прибыла в Россию из французских переработок и дважды запрещалась цензурой из-за мотивов царевубийства (печальный исход царствования Петра III и Павла I). Пьеса шла с огромным успехом. Гамлета играл П. Мочалов, а одна из премьер состоялась в день дуэли Пушкина. Но Тургенев не только настаивал на конфликтности поколений, но предложил концепцию чередования символических поколений «гамлетов» и «дон кихотов». Как писал И. Гончаров, Гамлет и Дон-Кихот поглотили почти все, что есть трагического и коми-

ческого в человеческой природе. В XIX веке, особенно в начале и даже на рубеже XVIII и XIX века, Дон-Кихот воспринимался как персонаж исключительно благородный и положительный, пример для подражания. Например, Пушкин комплиментарно называл Радищева политическим Дон-Кихотом, имея в виду его энергию, бесстрашие и совестливость. Роман Сервантеса находился почти в каждой дворянской библиотеке. Есть данные, указывающие на то, что с 1769 до 1931 года он выдержал 32 издания [3; 10].

Психологи, начиная с XIX века, пытались противопоставить литературоведческой традиции психологический анализ литературных и писательских биографий. Герменевтическому методу противопоставлялись патографии. Симптомом заменяли характеристики личности [11], в произведении выискиваются намеки на болезнь. С шекспировским Гамлетом в отечественной психиатрии связывали неврастение. Слабоволие «по-гамлетовски» у российской интеллигенции объяснялось репрессивной организацией государственного строя. Альтернативу Гамлету в патографиях, как и предложил Тургенев, составлял Дон-Кихот Сервантеса. В диагнозах революционеров 1905–1907 года появляется определение «патологический альтруизм» [8]. Дон Кихот в отличие от Гамлета без колебаний бросается в схватку со всем, что противоречит его принципам и идеалам. И тот, и другой живут в отрыве от реальности, но один отрицает ее как чуждый в принципе мир, достойный наихудшей участи, другой борется с «отдельными недостатками» и верит и наивысшее свое предназначение, а также в благородную миссию всякого человека. Один циник, другой – романтик. Гамлет – это олицетворение русского интеллигента, у которого внутренние поиски парализуют действие, интеллект угнетает волевое начало.

Нравственный проект XIX века (нравственность и мораль превыше всего), по мнению И. Си-

роткиной, проявлялся в жестком морализаторстве психиатров того времени. Суровой оценке подвергались все представители «золотого века» отечественной литературы – Н. Гоголь, Л. Толстой, Ф. Достоевский, несмотря на то, что они и сами подвергали критике свои взгляды, отказывались от старых воззрений и произведений, которые мы по-прежнему считаем художественными вершинами [11]. Особенность русских подвергать все жесткой критике, поиски истины (правды), которая ставится выше интересов личности любого масштаба и заставляет говорить некоторых западных психоаналитиков о моральном мазохизме русских [14]. Ценность Гамлета для отечественного сознания в том, что он – герой, который готов за идеалы отдать жизнь.

Несовпадение в идеалах, носителями которых в российской литературе являются герои-мужчины, скрывает столкновения мужских амбиций, претензий на абсолютный авторитет. А в российской традиции авторитет отцов семейств был безусловным, непоколебимым.

XX век изобилует экранизациями и постановками «Гамлета» и «Дон Кихота»¹.

Если согласно Фрейдю, мифологический сын стремится к отцеубийству, то в российской литературе, фигура отца оказывается более сильной и зловещей. Его авторитет и слово остаются непререкаемыми. Только физическая смерть может отменить авторитет отца, который обладает им по праву старшинства и родства, а не потому что он, его слова и поступки могут быть рационально объяснены и аргументированы. И Петр Первый и Иван Грозный убили своих сыновей, а не наоборот. Сын в качестве жертвоприношения – символ абсолютной отцовской власти, который еще недавно воплотился и Сталиным. В русской версии Гамлет усиливается за счет призрака, тени отца. Призрак подталкивает его к мести. Сын – только инструмент отцовской воли.

Литературные мифы о «золотом» и «аскетическом» детстве в России

В XVIII–XIX веках Европа переживала свой триумф «парадизов детства». Возглавили парад сентименталисты, прежде всего Руссо (его «Эмиль»), для которого ребенок есть сама суть, природа человека. Детство воспринимается как утраченный рай. Противоположная, но связанная с этой традиция состояла в изображении поруганного детства, повседневного ада. Это, преж-

де всего, Диккенс². Обе эти традиции проявились и в российской классической литературе, но были значительно разнесены во времени, в разные социально-экономические эпохи.

Лев Толстой своим первым романом-трилогией «Детство. Отрочество. Юность» положил начало моде на жанр автобиографии с детальным описанием *детства как золотого времени в жизни человека*. Со времени опубликования романа «Детство» в 1852 году, это представление о детстве как об особом периоде, самом безмятежном и счастливым, стало общим местом в русской литературе, воцарилось на 50–70 лет. Вплоть до написания другой, востребованной социальными переменами в России, версии, автором которой стал пролетарский писатель Максим Горький. Горький описал модель *аскетического детства*, в котором все самое интересное будет *впереди, в будущем*, когда человек вырастает. На языке экзистенциальной психологии образ золотого беззаботного детства соответствует стратегии «жизнь как сон», а горьковская активная направленность в будущем – стратегии «жизнь как предисловие» [4].

И та, и другая модели показались интересными западным аналитикам: они являются исключительно показательными для понимания российского сознания и методов воспитания детей в России.

«Детство» Толстого, отмечает психоаналитик Эндрио Вотчел, автор изданного в США бестселлера «Битва за детство. Создание русского мифа» [15], стало неизбежной точкой отсчета для целой генерации русских писателей. «Детские годы Багрова-внука» Т.С. Аксакова (1856), «Котик Летаев» А. Белого (1922), «Жизнь Арсеньева» И. Бунина (1927–1930), «Обломов» И. Гончарова, «Воспоминания» А. Бенуа (изд. в 1960). Все приведенные писатели, как и дети, персонажи, которых они выбирали для своих жизнеописаний от первого лица, принадлежали к классу помещиков. Склонность погружаться в детские воспоминания – своеобразный уход в детство, который психоаналитики называют регрессией. Регрессия – это способ снизить психологическую тяжесть ситуации, одна из возможных, чаще непродуктивных реакций на трудную ситуацию, в которой находится личность.

Детство Николеньки протекало в тиши фамильного поместья, в окружении природы. Сама усадьба является местом ностальгического паломничества. Удаленная от столиц, Москвы и Пе-

тербурга, она окружена лесами, лугами, а до ближайшего поместья нужно, порой целый день лошадей гнать. До времен царствования Екатерины Великой поместья имели довольно скромный вид, чаще это были деревянные дома, с большой залой в центре, несколькими комнатками для челяди, хозяйским кабинетом, а также небольшим мезонином со спальнями. В результате европейской моды, введенной великой императрицей, стали строить большие, роскошные усадьбы, с разбитыми парками, фонтанами и памятниками. Но в литературной традиции сохранились образы восемнадцатого века, дома с тихим, патриархальным укладом, неторопливой круглогодичной жизнью всей семьи в поместье. Город, столица, противопоставлялись жизни истинной, деревенской, проходящей в окружении природы и в соответствии с природными циклами и погодными изменениями. Поместье и жизнь в нем описывается как рай, а отъезд в город как потерянный рай. Уже в Гончаровском «Обломове»³ главный герой вспоминает время, когда он был центром вселенной в окружении любви матери и няни.

В описаниях Толстого и в воспоминаниях Николеньки мать была настоящим ангелом – нежным, светлым пятном памяти. Ее образ пронизан ностальгией. Лев Николаевич никогда не видел мать, которая умерла, когда ему было чуть больше полутора лет. Няня противостоит строгим воспитателям и дисциплинарным воздействиям родителей. Она балует ребенка, покрывает его шалости, жалеет его. Няни олицетворяют патриархальную традицию с ее верой в духов, гадания, приметы. Это будит детское воображение.

Просматривая русские псевдобиографии, Вотчел с любопытством отмечает, что отцы чаще всего изображаются людьми непрактическими, праздными. На протяжении всего повествования отец не изображен занятым каким-либо делом. Отцы притягивают внимание детей, пока они находятся в поле их зрения, но, как правило сами отцы держатся на расстоянии от детей. Интересно, что даже в набоксовском полубиографическом романе «Дар» отец, в реальности известный и очень серьезный политик, показан как эксцентричный коллекционер бабочек, витающий в облаках, вдали от жизни. Видимо, так сильна была литературная традиция⁴. Взрослый Набоков презрительно относился к дутому авторитету отца.

В семью расширенного типа входили не только родители, дети, их бабушки и дедушки, но так-

же няни, гувернеры (гувернантки), дядьки. Количество воспитателей было явно избыточным, но оно создавало атмосферу повышенного внимания, любви и гиперопеки вокруг детей.

Сам Толстой позже с отвращением говорил о своих ранних литературных опытах (ему было всего 23 года, когда его первый роман стал по частям выходить в свет), считал сюжет и сцены надуманными, неискренними, лживыми и слащавыми.

И вдруг среди этого потока псевдобиографий, умилений и щеголяний своими детскими годами, в которых виделся и залог будущего успеха, и намеки на особые таланты, появляется новая, радикально другая версия детства. В 1913 (!) году Максим Горький издает одноименную трилогию, начинающуюся с «Детства». Горький решает описать свою жизнь в рамках уже существующей литературной формы, но меняя радикально саму идеологию произведения. Вместо панегирика и оправдания консервативного помещичьего уклада, он дает свою версию будущего социалистического идеала. Толстой благословил Горького на описание своего детства, поощряя молодого талантливого писателя к литературному труду и ориентируя его на некоторый образец, подталкивая его к повторению своей литературной биографии. Но Горький написал свое «Детство» в форме *пародии (точнее – парафраза) на толстовскую трилогию*, ощущая огромную разницу в биографиях, времени, в котором формировались личности и таланты писателей.

Истинным основанием для переписывания самой модели детства были, конечно, тяжелые условия, в которых рос Горький. Горький и не мог разделить ностальгических умилений Толстого. Сцены сельской жизни наводили на него тоску. Крестьяне, которые работали не разгибаясь, виделись ему людьми ограниченными. Конечно, его предпочтения были на стороне городских рабочих, и со временем пропитались презрением к «идиотизму сельской жизни» (меткое выражение Маркса).

Воспроизведение детства у Горького – это не ностальгическое стремление в прошлое, назад, это – способ устранить прошлое как препятствие для другой жизни. Для Горького очень важно было переписать фактически канонизированный образ «золотого детства», чтобы открыть другую перспективу для нового, зарождающегося класса, которому писатель симпатизировал, и с которым он

себя идентифицировал. Если учитывать авторитет Горького как «основателя новой литературы», то степень влияния созданного им мифа по переделке человека, радикального изменения себя через стремление к новым идеалам, гораздо больше, чем толстовские ностальгические описания.

Установка по переделыванию неперспективных, казалось бы, молодых людей воплотилась в педагогике Макаренко. Бывшие колонисты с благодарностью вспоминали Горького, который стал им ближе из-за усилий Макаренко.

Тема несчастного, вытесненного из полноценной жизни детства, тем не менее, звучит на протяжении всего XIX – начала XX века – и в мотивах «недоноска» (А. Баратынский, В. Брюсов), брошенного ребенка, сироты (А. Островский³, Ф. Достоевский⁶), и, наконец, отказа от рождения детей. Ален Безансон видит в русской культуре вытесняемую и столь же постоянно прорывающуюся на поверхность сознания травматическую фигуру «убиенного царевича» – от престолонаследника, загубленного во младенчестве пушкинским «царем-иродом», до революционной блоковой матушки-Руси, «слопавшей-таки» своего поросенка [1; 5]. Ребенок оказывается трагическим заложником неограниченного самодурства (самодержавия) своего отца. Предметом трансмиссии (передачи опыта) оказывается сам конфликт между отцом и сыном, непримиримый, трагический, вплоть до взаимного уничтожения. Миф о несчастном и обреченном детстве скорее усиливал миф о золотом детстве Толстого.

Таким образом, мифы о детстве, созданные в литературе, приобретают характер императивов воспитания. В них кристаллизованы сценарии взаимодействия ребенка с основными социализаторами, определены сами социализаторы, их дистанция и роль в воспитании детей. Миф выполняет регулирующую роль, подсказывая, как нужно себя вести участникам воспитательного процесса. Миф детства выполняет связующую поколенческую роль, поскольку традиционное детство – то общее для родителей и детей прошлое, по которому взрослые люди испытывают ностальгию. Конфликты могут быть заложены в саму структуру мифа (структуру воспитательных сценариев, которые синтезированы в миф детства). Проблема разрыва поколений, «отцов» и «детей» может быть всего лишь риторической фигурой, установкой на конфликт, для которого нет никаких других объективных оснований, кроме ми-

фологических предписаний. Большинство из классических работ входит до сих пор в школьную программу и таким образом оказывают отстроченное во времени влияние на умы и интерпретации детей и подростков. Литература в XIX – начала XX века выполняла роль телевидения по обмену и распространению образцов поведения, формированию мод на образ жизни, в том числе моды на воспитание.

Примечания

¹ Советский режиссер Григорий Козинцев с психологически значимой разницей в 7 лет экранизировал 2 драмы – «Дон Кихота» (1957, в главной роли Николай Черкасов) и «Гамлета» (1964, в главной роли Иннокентий Смоктуновский). Оба фильма стали кинематографической классикой благодаря психологической яркости, пассионарности исполнения двух гениев отечественного кино. Зная о мифологической связи принца и рыцаря, Козинцев сделал обе экранизации. Экранизации Козинцева – это переключки с Тургеневым через век. Об интерпретации Гамлета и Дон-Кихота в отечественном и мировом кинематографе см.: [9].

² Диккенс Ч. Давид Копперфильд. В 2 т. – Л.: Ленинградское газетно-журнальное и книжное изд-во, 1946.

³ Гончаров И. Обломов // Библиотека всемирной литературы. – М.: Эксмо, 2006.

⁴ Набоков В. Дар. – СПб., 2000.

⁵ «Без вины виноватые» – знаменитая пьеса А. Островского и в последствии ее экранизация с Тарасовой в главной роли.

⁶ У Ф. Достоевского тема сиротства, ранней гибели детей звучит как одна из ключевых, как камертон страдания человека, например, в его «Преступлении и наказании», «Братьях Карамазовых»).

Библиографический список

1. Безансон А. Убиенный царевич. – М.: МИК, 1999. – 216 с.
2. Дильтей В. Введение в науки о духе // Дильтей В. Собр. соч.: В 6 т. – М.: ДИК, 2000. – Т. 1. – 762 с.
3. Дмитриев М.А. Мелочи из запаса моей памяти // Дмитриев М.А. Московские элегии. – М.: Московский рабочий, 1985. – 302 с.
4. Дружинин В.Н. Варианты жизни: очерки экзистенциальной психологии. – М.: Per Se, 2004. – 135 с.

5. Дубин Б. Между всем и ничем // Отцы и дети. Поколенческий анализ современной России / Под ред. Ю. Левады и Т. Шанина. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – С. 245–243.

6. Иванов-Разумник Р.В. История русской общественной мысли. 3-е изд. – СПб.: Изд-во Стасюлевича, 1911. – Т. 1. – 450 с.

7. Кольцова В.А. Теоретико-методологические основы истории психологии. – М.: Институт психологи РАН, 2004. – 416 с.

8. Лахтин М.Ю. Патологический альтруизм в литературе и жизни // Вопросы психиатрии и неврологии. Т. 1. – 1912. – С. 34–46.

9. Маховская О.И. Проблема «разрыва поколений» в отечественной гуманитарной традиции: «Гамлеты» и «Дон-Кихоты» XIX–XXI веков // Психология и психотехника. – 2008. – №3. – С. 45–61.

10. Олейников Д.И. Поколения в истории XIX века // Отцы и дети. Поколенческий анализ совре-

менной России / Под ред. Ю. Левады и Т. Шанина. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – С. 146–168.

11. Сироткина И.Е. Классики и психиатры. Психиатрия в российской культуре конца XIX – начала XX века. – М.: НЛЮ, 2008. – 272 с.

12. Тургенев И.С. Гамлет и Дон Кихот // Сочинения в двенадцати томах. Издание второе, исправленное и дополненное. – М.: Наука. – Т. 5. – С. 13–17.

13. Чернышевский Н.Г. Очерки гоголевского периода // Эстетика и литературная критика. Избранные статьи. – М.; Л.: Худож. лит-ра, 1951. – 351 с.

14. Rancour-Laferrier D. The Slave Soul of Russia: Moral Masochism and the Cult of Suffering. – New York: New York University Press, 1995. – 310 p.

15. Watchel A. The Buttle for Childhood. Creation of a Russain Myth. – Standford: Standford University Press, 1990. – 292 p.

УДК 159.923:316.6

Н.В. Молчанова

ВЛИЯНИЕ ЭМОЦИЙ НА СОДЕРЖАНИЕ КОММУНИКАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В статье представлены результаты влияния эмоций на содержание конфронтационного диалога. Показано воздействие эмоциональной оценки на возникновение личного смысла, вследствие чего возникает искажение реальной ситуации взаимодействия.

Ключевые слова: эмоциональная оценка, интериоризация, экстериоризация, конфронтационный диалог.

Коммуникативное взаимодействие представляет собой сложное, полифункциональное явление, одной из особенностей которого является то, что связь между субъектами коммуникации носит субъективный характер; люди не однозначно относятся к происходящему. Для каждого субъекта эта связь имеет личностную значимость, в соответствии с которой он действует и интерпретирует поступающую от партнера информацию по-своему. С нашей точки зрения это во многом зависит от эмоционального оценивания себя, партнера и ситуации взаимодействия в целом.

Цель нашего исследования [3] состояла в выявлении особенностей коммуникативного взаимодействия, связанные с функционированием эмоций субъектов коммуникации. Один из аспектов исследования предполагал раскрытие следующей гипотезы: эмоциональная оценка

личной значимости реально происходящего влияет на содержание коммуникативного взаимодействия. Правомерность анализа функционирования эмоций в процессе непосредственного взаимодействия основывалась на следующих положениях:

1. В индивидуальной психике каждого человека в свернутой форме содержатся те или иные социальные феномены, воспринятые и усвоенные им из реальной жизни. Это объясняется явлениями интериоризации и экстериоризации (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев). Интериоризация предполагает присвоение из внешней реальности сущности внешних предметов и явлений, в том числе и значений социального мира. Тогда как экстериоризация означает переход внутренних мыслительных действий и операций в развернутую внешнюю форму. Следовательно внешние поведенческие реакции участников коммуника-